П
A20 7/411

A 20 7/411

МОСКОВСКІЯ
НЕБЫЛИЦЫ ВЪ ЛИЦАХЪ.

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1813.

Печатать позволяется, Іюня 17 дня 1813 года. *Читалъ Ординарный Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*

БИБЛИОТЕКА
Госуд. Историч. Музея
№ 19501
28 VIII 1952

МОСКОВСКІЯ

НЕБЫЛИЦЫ ВЪ ЛИЦАХЪ (*).

Нѣкоторыя молвы преступныя и безумныя, но дерзко и полу-открыто шатающїяся по развалинамъ Москвы и по нѣкоторымъ сохра-

(*) Или опровержені Московскихъ слуховъ и ясное, какъ бы *въ лицахъ*, показаніе ихъ нелѣпости. Впрочемъ, естьли сіе истолкованіе заглавія не понравится, то извини, благосклонный Читатель, что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ содержаніе сей книжки ты найдешь гораздо серіознѣе названія, какое ей дано. Признаюсь, я хотѣлъ забавнымъ по нынѣшнему вкусу заглавіемъ *заохотить*, потому что этой книжкѣ, которой непремѣнно надо не побывать въ скорости во многихъ углахъ

нившимся вЪ ней жилищамЪ, заслуживаютЪ конечно всякое омерзѣнїе вЪ глазахЪ каждаго добраго и разсудительнаго гражданина. Но не довольно того, чтобЪ презирать пресмыкающуюся эхидну — надобно подавлять ее. Благонамѣренность и истина должны возвысить голосЪ свой противу криковЪ безумїя и злобы, и заставить молчать дерзость и буйство!

Защищать честь ока Царева — Вельможи, придержащаго власть Высочайше ввѣренную — Мужа, до-

---

Столицы для очищенїя и предохраненїя отЪ появившейся проказы, очень было бы не прїятно подЪ какимЪ-либо серїознымЪ заглавїемЪ залечь вЪ книжной лавкѣ вЪ забыпи, по обыкновенной участи всѣхЪ серїозныхЪ сочиненїй.

стойнаго по всей справедливости любви и признательности, незабвенной похвалы и уваженія, — значитъ въ нѣкоторомъ отношеніи исполнять долгъ клятвы вѣрноподданнаго. Тщетно послѣ сего ядовитая критика будетъ по симъ строкамъ скользить жаломъ своимъ; не забочусь о ея отзывахъ и перетолкованіяхъ, не рѣдко изкажающихъ самыя чистыя чувствованія: хочу исполнить долгъ мой и не имѣю иного побужденія. И такъ разсмотримъ содержаніе извѣстныхъ жалобъ, чернѣющихся не только въ устахъ невѣждъ, но даже людей, имѣющихъ просвѣщеніе; противупоставимъ истину нелѣпостямъ, разсудокъ безумію, безпристрастіе и искренность предубѣжденію и злобѣ. —

Возможно ли, какому подвергнули насъ разоренїю, говорятъ нѣкоторые изъ разорившихся, нѣкоторые изъ претерпѣвшихъ потери, неважныя въ сравненїи съ тѣмъ, что сохранили, и наконецъ нѣкоторые изъ тѣхъ, которые ничего не потеряли! Всѣ сїи три класса, по тому одному только, что своимъ воплемъ нарушаютъ общее спокойствїе, уже виновны; но, по свойству ихъ побужденїй, каждому изъ нихъ предлежитъ своя мѣра осужденїя: ибо первые говорятъ по безумїю, вторые по безстыдству, третьи по злоумышленїю.

Отвѣтствую первымъ: разорилъ непрїятель; чтожъ дѣлать,

такъ угодно Богу; роптать на Промыслъ безумно! Отвѣтствую вторымъ: безстыдно жаловаться на потерю малости, когда другїе разорились совершенно; надобно еще благодарить Бога, что Онъ не повелѣлъ вамъ испытать нуждъ, которымъ подверглись другїе! Отвѣтствую третьимъ: какїя мрачныя злоумышленїя побуждаютъ васъ скорбѣть притворно о чужихъ потеряхъ и тѣмъ подстрѣкать ропотъ, толико безумный и несправедливый! Чѣмъ должно назвать преступныя и возмутительныя разглашенїя ваши, когда жалоба претерпѣвшихъ есть уже забвенїе долга своего — вѣроломное отреченїе отъ клятвы жертвовать всѣмъ и ни о чемъ не сожалѣть для славы и благосостоянїя Отечества?

Но (отвѣтствую вообще) развѣ тщетнымъ осталось претерпѣнїе? Чего требуете еще? Россїя свободна! Необходимою жертвою Москвы искуплено общее благосостоянїе; пламя, пожравшее часть жилищъ и имуществъ нашихъ, озарило Отечество наше вѣчною славою! Чего желать еще? Не болѣе ли прїобрѣтено возстановленїемъ всеобщей безопасности, нежели сколько потеряно частными лишенїями? Вспомните притомъ: жизнь не стократъ ли драгоцѣннѣе имущества; но и о ней должно ли сожалѣть, когда дѣло идетъ о благѣ общественномъ? О священные прахи положившихъ съ любовїю животъ свой за Вѣру и Отечество! не смущайтесь дикими воплями

нѣкоторыхъ недостойныхъ собратовъ вашихъ, жалующихся о лишенїи такихъ малостей, которыя стократъ можно и потерять и возвратить: позоръ ихъ на челахъ ихъ!

Престарѣлый воинъ, изувѣченный и покрытый ранами, съ торжествомъ и веселїемъ воспоминаетъ то время, когда смертоносный свинецъ отторгалъ члены его, или обезображивалъ ихъ, и когда онъ, обливаясь собственною кровїю, падалъ полумертвый и ни во что вмѣнялъ жизнь для счастїя соотечественниковъ. Цвѣтущїй юноша, единственная надежда и утѣшенїе родителей, ничѣмъ незамѣняемое сокровище своей супруги, оттор-

гаясь отъ ея объятїй, отъ крова отеческаго, ревностно течетъ на поле ратное, въ объятїя смертныхъ ужасовъ; съ жаромъ до последней капли проливаетъ кровь свою; забываетъ все — и самаго себя для блага общаго. Исчисляй теперь, презрѣнный самолюбецъ, потери свои; ропщи и жалуйся на разоренїе! Но еще повторяю тебѣ: твоя жизнь не драгоцѣннѣе ли имущества? но и тою ты клялся жертвовать благу общему! Безнадежный сынъ Отечества!... нѣтъ, ты не сынъ его уже болѣе!

Но, продолжаютъ вопїять, *для чего такъ увѣрять въ безопасности и тѣмъ приводить въ неосторожность?* Этотъ вопросъ такъ ни-

зокъ, что онъ во всякомъ, въ чьихъ только устахъ находится, показываетъ безчувственное и злое сердце: упрекаютъ въ томъ, что единственно показываетъ живѣйшую нѣжность ревностнѣйшаго Патріота!

Опасно болящій умножаетъ свои болѣзни отчаяніемъ. Другъ присѣдитъ ложу его; стократно увѣряетъ его въ безопасности; не щадитъ словъ къ утѣшенію и ободренію его и, изъ живѣйшей къ нему нѣжности своей, не смѣетъ уронить предъ нимъ трепещущую въ очахъ своихъ слезу — слезу собственнаго о немъ сомнѣнія и безпокойства. Съ сладостію принимаетъ болящій дружеское утѣшеніе, ободряется,

переходитъ отъ отчаянія къ упованію, но не почитаетъ излишнимъ употреблять свои осторожности и распоряженія на всякой случай. Не то же ли было наше положеніе? Не подобно ли человѣколюбивый Вождь Столицы, среди мрачныхъ тучь общей неизвѣстности и скорби, простиралъ къ намъ голосъ нѣжнаго утѣшенія, которое конечно для насъ было сладостно, поелику мы съ жадностію принимали оное? Подлинно оно долженствовало и могло ободрить насъ; но не могло ни ослѣпить, ниже удержать отъ предосторожности. Всякой имѣлъ полную свободу, при уповаиіи и надеждѣ, не оставлять нужныхъ мѣръ; да никто и не оставлялъ ихъ: тысячи семействъ съ

своими имуществами удалялись ежедневно. Сверхъ сего удаленіе самыхъ Казенныхъ Мѣстъ и имуществъ подавали также довольный примѣръ къ предосторожности. Правда, не всѣ имѣли возможность сохранить такимъ образомъ свою собственность по своему недостатку и по тогдашней дороговизнѣ провоза; но это также не предлогъ къ жалобѣ и ропоту: это слѣдствіе того состоянія, въ которомъ они поставлены Провидѣніемъ!

Всѣ сіи разсужденія такъ просты, что не льзя вѣрить, чтобъ онѣ не приходили на мысль каждому. И такъ, кто же должны быть сіи жалующіеся, яко бы они, или другіе имъ извѣстные, толико пре-

дались *увѣреніямъ*, что забыли всякую осторожность? Вѣроятно, вопервыхъ, скрытные враги тишины и спокойствія общественнаго; вовторыхъ, ихъ слушатели, безумные послѣдователи чужихъ толковъ; далѣе, пронырствующіе какихъ-либо выгодъ, какъ-то желающіе избыть платежа долговъ своихъ, и проч., однимъ словомъ люди, достойные всякаго презрѣнія!

Голоса недовольныхъ не умолкаютъ. *Лучше бы*, продолжаютъ съ глупою улыбкою, *не увѣрять и не писать ничего: не на что бы было и жаловаться.* Наглое и невѣжественное умствованіе! Тогда, безъ сего управленія мнѣніями, народъ предался бы собственнымъ сужденіямъ и

домышленіямъ; возникли бы нелѣпые толки съ вредными послѣдствіями. Неблагонамѣренные легко могли бы объяснить невѣждамъ самое молчаніе Правительства въ видѣ его безпечности и презрѣнія къ народу, или даже въ видѣ злоумышленной утайки неминуемо предстоящаго бѣдствія, легко могли бы унывшей и никакою надеждою неразвлекаемой черни вдохнуть чувствія, которыя могли бы имѣть кровавыя слѣдствія. Чернь есть такое существо, въ коемъ живость радости и живость скорби равно требуютъ благоразумнаго обузданія: безъ сего и то и другое бываетъ иногда опасно!

Въ виду у всѣхъ ползъ змій прямо къ сердцу Россіи. Разсужда-

ющїе не теряли упованїя; но невожды взирали только на разстоянїе, какое оставалось непрїятелю до Москвы, по мѣрѣ сего болѣе и болѣе предавались отчаянїю. Если бы Правительство своимъ молчанїемъ безвременю попустило ихъ всей жестокости онаго, то кто докажетъ, что сїи унывшїе, оставленные самимъ себѣ, изъ коихъ нѣкоторые всё утѣшенїе въ скорбяхъ своихъ не рѣдко почерпаютъ въ воспламеняющихъ струяхъ Бахуса, кто, говорю, докажетъ, что они остались бы спокойны и не устремились бы ни къ своевольству, ни къ буйству? Многократный опытъ доказалъ, что чернь, дошедшая до отчаянїя, не остается при семъ стѣсняющемъ чувствѣ, но из-

мѣняетъ оное на ожесточенїе, свирѣпство и неистовство: тогда бы, можетъ быть, содѣлались жертвою ее изступленїя не только имущества, но и самые владѣтели оныхъ; можетъ быть неистовствующїя толпы, превратившись въ хищниковъ, разсыпались бы по дорогамъ и содѣлали бы какъ пребыванїе въ Столицѣ, такъ и удаленїе отъ оной равно опасными; можетъ быть тогда пагубныя системы *независимости* улучили бы случай къ подѣйствованїю своею заразою, и проч.!

Отъ сихъ-то и подобныхъ золъ, обыкновенно возникающихъ при обстоятельствахъ смутныхъ, мудрое Правительство предохранило самою естественною и легкою

мѣрою, настоятельнымъ увѣреніемъ въ безопасности, которая и въ самомъ дѣлѣ тогда не была еще потеряна! Теперь, желающіе все толковать въ дурную сторону и всѣмъ *обижаться*, не могутъ болѣе недоумѣвать, по чему извѣстные листы къ жителямъ Столицы болѣе были излагаемы такою рѣчью, которая употребительнѣе въ простомъ народѣ. Съ нимъ-то и нужно было говорить, его-то и надобно было заставить слушать, чтобъ не предался ни собственнымъ умствованіямъ, ни постороннимъ какимъ-либо уродливымъ внушеніямъ!

Въ сихъ листахъ простонароднымъ языкомъ, знакомымъ и внятнымъ для черни, забавнымъ для

людей среднихъ понятій и достойнымъ удивленія въ глазахъ просвѣщеннаго по той цѣли, къ которой сіе средство стремилось и которой оно достигнуло, въ сихъ, говорю, листахъ, сверхъ утѣшенія и ободренія народу, напоминаемы ему были обязанности любви и вѣрности къ Государю и Отечеству; внушаемо было презрѣніе къ врагу безбожному, предъизвѣщалось о его коварствѣ и обольщеніяхъ; впечатлѣвались благоразумными убѣжденіями непреклонность и мужество, и проч.; однимъ словомъ, все то было настоятельно вкореняемо, что только могло удержать народъ въ предѣлахъ его спокойствія и долга, при обстоятельствахъ, толико располагающихъ

къ дерзости и неустройству. Такимъ образомъ, при всѣхъ вражескихъ пронырствахъ, при всѣхъ вредныхъ влїянїяхъ модныхъ систематиковъ и Французолюбцовъ, при ежедневно возрастающей опасности, до самой плачевной минуты, рѣшившей участь Столицы, совершенная тишина и спокойствїе пребыли непоколебимо въ нѣдрахъ оныя! При постиженїи бѣдъ необычайно быстромъ, изумляющемъ и долженствующемъ, казалось, возмутить всѣ чувствованїя каждаго, къ удивленїю не слышно было ни жалобы, ни ропота, ниже излишняго огорченїя. Глаголы мудраго подкрѣпили унынїе упованїемъ; обуздали дерзость недоумѣнїемъ; обезоружили злоумышленїе благоразум-

ными внушеніями народу, и сохранили тотъ перевѣсъ разсудка и чувствованія долга въ полуотчаянной черни, который рѣдко сохраняется при подобныхъ обстоятельствахъ! Да и можно ли подлинно, чтобы пространная рѣка, при устремленіи на нее жестокой бури, не подвигла съ шумомъ водъ своихъ, и въ яромъ потрясеніи не простерлась далѣе обыкновенныхъ границъ своихъ? Но Москва, при столь быстромъ и нечаянномъ на нее устремленіи лютаго бѣдствія, пребыла спокойна, и тогда, когда вся подвиглась отъ мѣста своего, не возшумѣла ни ропотомъ, ни строптивостію. Пространная рѣка сія отлилась въ безмѣрное лоно Отечества тихо и кротко подъ

такою бурею, которая угрожала страшнымъ волненïемъ. Это чрезвычайное явленïе наиболѣе должно изумлять тѣхъ, которымъ извѣстно, какими сѣменами нынѣ модныя системы питаютъ народы! Какими? Для чего молчать! Увы!! сѣменами буйства, дерзости, подозрѣнïя къ правительствамъ, недовѣрчивости и неуваженïя ни къ чему!.... И еще ли гнусное злоязычïе дерзнетъ осуждать стократъ достойные удивленïя и признательности поступки того, который покрылъ себя безсмертною славою!

Наконецъ, приступимъ къ разсмотрѣнïю еще одной жалобы, менѣе гласной, но также существующей. Она по своей очевидной не-

лѣности не заслуживала бы отвѣта; но по очевидной же ядовитости и злонамѣренїю требуетъ разрѣшенїя въ пользу и предостереженїе невѣждъ.

Боже мой! какъ сожжена Москва! начинаетъ сими словами хитрая фурїя злобы, и потомъ очень не кстати присоединяетъ съ видомъ горестнаго размышленїя: *даже не оставили и машинъ для потушенїя пожара; для чего бы увозить ихъ — онѣ не золото?* Такимъ-то адскимъ оборотомъ изъясняется злоумышленный клеветникъ! — Между тѣмъ простякъ, помѣшанный сею бездѣльническою сплетнею двухъ вещей, ни мало одна къ другой непринадлежащихъ, и не могши, или

лучше сказать не хотѣвъ сообразиться, качаетъ головою и бармочетъ: *да, и въ самомъ дѣлѣ!* и потомъ совершенно сходитъ съ ума. . . . начинаетъ глядѣть косо въ ту сторону, куда должно стремиться сердце его съ любовїю и признательностїю, съ благоговѣнїемъ и стократными благословенїями!

Но, бѣдный простякъ, сколь ни ограниченъ разсудокъ твой, спроси ты его — и онъ точно выведетъ тебя изъ пустаго сомнѣнїя! Какъ скоро знаешь, что Москва сожжена Французами, то уже не мудрено понять тебѣ, къ чему бы послужили сїи машины, хотя и были бы оставлены въ Столицѣ?

Непрїятель точно не захотѣлъ бы зажигать и вмѣстѣ заливать. Если же бы жители вздумали оборонять-ся отъ пожара, то это значило бы начать имъ воевать противу непрїятеля. Воевать водою; а имъ отвѣчали бы пулями?

Можно о семъ предметѣ посу-дить еще и инымъ столь же про-стымъ образомъ — именно: Еже-ли не было предвидѣно, что Сто-лица превращена будетъ въ пе-пелъ, то въ увезенїи машинъ к нѣмъ ничего особеннаго; если же, по участи претерпѣвшихъ горо-довъ нашихъ, предугадывали имѣ-ющее быть сожженїе Столицы не-прїятелемъ, то не льзя также бы-ло не предугадывать и того, что

непрїятель, какъ сказано выше, зажигать и вмѣстѣ тушить не захочетъ и не позволитъ. А по-му машинамъ, оставшись, надлежало бы не только быть безъ дѣйствїя, но и самимъ сгорѣть; слѣдовательно въ удаленїи ихъ, которое ихъ сохранило, находится еще польза.

Сверхъ сего должно себѣ представить, что оныя машины суть изъ числа принадлежностей извѣстной команды, за утрату коихъ она должна отвѣчать. Когда армїя перемѣняетъ мѣсто, то обыкновенно забираетъ всѣ свои вещи, какъ-то пушки, порохъ и проч.; по сему же порядку помянутая команда должна была забрать свои ве-

щи, такъ какъ Судебныя и прочїя Казенныя Мѣста взяли свои. Полицїя, получивъ повелѣнїе оставить Столицу, не имѣла причинъ безъ особеннаго повелѣнїя побросать казенныя вещи, для возки коихъ въ готовности находилось нарочитое число лошадей. Вотъ сколь простъ тотъ поступокъ, который хотятъ представить въ столь дикомъ образѣ!

Но можетъ быть, бѣдный простякъ! смущаетъ тебя и заводитъ въ такое сумазбродство мелькающїй слухъ, что яко бы Москву сожгли сами Рускїе; *для того то-де*, мыслишь ты, *и увезены машины*. Подлинно, чего не льзя придумать, заразившись столь жестокою горяч-

кою! Но вопрошаю: по злоумышленію ли противъ Отечества, или по какимъ-либо видамъ причинить вредъ непріятелю, сами Руские вздумали сжечь Столицу? Ежели по какимъ-либо видамъ причинить вредъ непріятелю, то, вопервыхъ, не льзя смѣть вмѣшиваться въ такія дѣла, которыя ясно знаетъ и судитъ въ Монархіи одинъ МОНАРХЪ; притомъ Руские сами отъ себя въ семъ дѣйствіи скрываться не стали бы, потому наипаче, что Французы, пробуянивъ и просидѣвъ за выжигою въ Москвѣ шесть недѣль, когда въ Октябрѣ нашъ сѣверъ сталъ прохватывать ихъ, очень очень начинали тужить о погорѣвшихъ жилищахъ (*).

(*). Они напослѣднихъ дняхъ проговаривали: *Наполеонъ Москву сжогъ недобрѣ; онабъ*

И такъ остается теперь думать одно, что Рускіе сожгли древнюю свою Столицу по злому какому-либо умыслу противу Отечества, или лучше сказать, противу самихъ себя? Можно конечно такъ думать и говорить тому, кто или въ самомъ дѣлѣ лишенъ всякаго смысла, или можетъ быть, послѣ какихъ либо преступныхъ и уничтожившихся своихъ упованій, снѣдается въ тайнѣ сердца своего безплодною злобою и бѣшенствомъ и хочетъ по крайней мѣрѣ

теперь былъ намъ теплій квартиръ. Бѣдные! они боялись зазимовать на Руской стужѣ! Побѣдоносныя наши войска поспѣшили избавить ихъ навсегда отъ сей непріятности, переселивъ ихъ въ самый *теплій квартиръ* — въ геенну огненную — въ жилище безбожныхъ варваровъ!

сколько нибудь затмить яркїй блескЪ Россїйской славы и омрачить сугубо - обожаемое имя ПатрїотовЪ, затмить разглашенїемЪ небылицЪ и сплетней; — но тщетно! Ибо, какая могла быть цѣль или выгода сего злоумышленїя? ВЪ пеплѣ домовЪ и имуществЪ ни корыстолюбїе, ни гордость, ни желанїе господствованїя, ниже иная какая страсть не могли никакЪ найти себѣ удовлетворенїя!

НаконецЪ, не забудемЪ вообразить себѣ и то: какимЪ образомЪ горсть людей (ибо вЪ семЪ умыслѣ не могли быть многїе) могла осмѣлиться, вЪ рукахЪ и предЪ глазами тысячей непрїятелей и тысячей соотечественниковЪ, зажигать и продолжать

сїе чрезъ цѣлые пять дней? Какое странное желанїе подвергать себя ежеминутной опасности безъ всякой цѣли и выгоды, и какая удивительная успѣшность? Въ продолженїе сихъ пяти сутокъ, непрїятели и день и ночь грабили и производили разныя неистовства; жители и день и ночь страдали отъ нихъ: но, посреди сего всеобщаго бодрствованїя и движенїя сотней тысячь людей, отважные заговорщики могли превратить въ пепелъ пространный городъ! Нѣтъ, Рускїе не имѣли ни причинъ, ни возможности предавать огню собственныя свои жилища!

Безчеловѣчный Наполеонъ, который сжегъ Смоленскъ и прочїе

попалилъ города наши, онъ предалъ огню, расхищенію и поруганію древнюю Столицу Россіи: его лютость и варварство пріобыкли находить забаву и удовольствіе въ разрушеніи и уничтоженіи всего существующаго! Пусть разсказываютъ, что якобы нѣкоторые Руские *поиманы* Наполеономъ въ зажигательствѣ и казнены имъ. Поиманы? Гнусная клевета! — Казнены? Легко можетъ быть! Варвару пролить невинную кровь — забава! Если подлинно (*) казнены были Напо-

---

(*) Очень немногіе изъ жителей, остававшихся въ Столицѣ, говорятъ, якобы нѣкоторые изъ нашихъ, впрочемъ неизвѣстно за что, были казнены. Они же удостовѣряютъ, что всѣ сіи несчастные, преданные казни, были тѣ самые, которые захвачены въ Кремль для копанія

леопомЪ нѣкоторые Рускіе, то это была одна только его хитрость, собственными своими злодѣяніями очернить имя благородныхЪ Россовъ, хитрость, которую теперь поддерживаютЪ скрытные его сообщники (*). Не для иного хотѣлЪ

———

миъЪ, и что о семЪ свидѣтельствовалЪ находившійся сЪ ними вЪ сей работѣ, которому посчастливилось изЪ Кремля уйти. Если помянутымЪ жителямЪ повѣрить вЪ первомЪ, то наиболѣе должно повѣрить во второмЪ. Наполеону очень удобно было обвинить вЪ зажигательствѣ тѣхЪ, которые нѣсколько времени были вЪ Кремлѣ безЪ вѣсти!

(*) *Скрытные сообщники!* СЪ прискорбіемЪ изрѣкаю сіе позорное наименованіе. Благородные Россы не хотѣли бы и мыслить, чтобЪ между ими были чудовища; но какЪ же думать о тѣхЪ и какЪ называть ихЪ, которые разсѣваютЪ слухи, поносительные для РускихЪ, оскорбительные для ихЪ

варваръ отрѣкаться отъ своего злодѣянїя, чтобъ устыждался онаго; нѣтъ! онъ хотѣлъ только извлечь новую для своего варзарства забаву, приписавъ свою лютость тѣмъ, которые были жертвою оныя: но тщетно!

Всѣ тѣ сограждане наши, которые имѣли несчастїе оставаться въ Столицѣ, суть очевидцы, готовые всегда повѣдать свѣту, какимъ образомъ западные изверги, ограбивъ, обнаживъ и изувѣчивъ жителей, выгоняли ихъ изъ домовъ и предъ ихъ же глазами предавали оные огню! Но для чего

Патрїотовъ и оправдывающїе Французовъ? Одна только вѣтренность и безумїе не могутъ производить столь уродливыхъ изчадій!

искать посторонняго свидѣтельства? Самъ наконецъ Наполеонъ въ бѣшенствѣ своемъ изрыгнулъ сознаніе предъ свѣтомъ, что его единственно безчеловѣчное мановеніе превратило въ пепелъ великолѣпный городъ; въ громахъ, которыми онъ хотѣлъ бросить на воздухъ многовѣчный Кремль, исторглось сознаніе сіе! Это послѣднее злодѣяніе, эта неосторожная и дикая улыбка варвара надъ жертвою своего безчеловѣчія измѣнила ему и обнаружила въ немъ свѣту гнуснаго зажигателя!

И такъ нималѣйшаго нѣтъ сомнѣнія, что Москва разорена и сожжена Французами; увезеніе машинъ не имѣло никакого отношенія

къ пожару, постигшему Столицу, но было простымъ слѣдствіемъ своего порядка; увѣренія въ безопасности, которая тогда и не была потеряна, были благодѣтельный и достойный благословеній голосъ, которымъ хотѣлъ Патріотъ и другъ народа сколько ободрить, столько и предохранить отъ различныхъ золъ, легко могшихъ бы безъ сего возникнуть. Остается ли теперь какой еще предлогъ къ тѣмъ виновнымъ жалобамъ, которыя доселѣ оскорбляли священное имя Мужа, снискавшаго предъ очами безпристрастія и истины безсмертіе и неувядаемую славу? Да изчезнетъ навсегда смрадный паръ, изрыгнутый ядовитымъ дыханіемъ злобы — да изчезнетъ нелѣпая молва, носящаяся по стогнамъ Столицы!

О ненавистныя изчадїя ада, подлые сплетатели нелѣпостей, наглые разглашатели мятежныхъ слуховъ, злоумышленные внушители преступныхъ жалобъ и ропота, враги тишины и спокойствїя общественнаго, враги всякаго добра! ежели страхъ законовъ, противу васъ существующихъ, не смущаетъ васъ болѣе, потому что умѣете скрывать жало ваше подъ личиною благовидности; по крайней мѣрѣ не возмутитъ ли и не пробудитъ ли совѣсть вашу уничижительная мысль, что сїи законы непремѣнно произнесли бы надъ вами строгїй судъ свой, если бы какая либо благотворная нечаянность разкрыла васъ, что вы тѣ самые, которымъ надлежало бы . . . . Чув-

ствуете ли вы весь позоръ свой? ... Но кому говорю я? Можетъ быть какому нибудь модному систематику, или изступленному рабу запада: тщетно тогда увѣщанiе! Неизцѣльная зараза течетъ въ жилахъ вашихъ!

Къ тебѣ обращаюсь, безразсудный послѣдователь чужихъ толковъ; жалкое насѣкомое, погрязающее въ чужой паутинѣ! Хитрый сплетатель оной безмолвно укрывается въ ущелинѣ; но твое брюзжанiе указываетъ тебя! . . . Знаешь ли, сколь важнаго преступленiя ты дѣлаешься участникомъ; разумѣешь ли, что такое значитъ роптать на Власти придержащiя? Ропотъ на Правительства, въ ра-

зумѣ Монархическаго правленія, есть крамола противу Верховной Власти, яко вины Властей придержащихъ. Но и кромѣ сего понятія, долженствующаго конечно обуздать тебя, должно ли благонамѣренному человѣку унижаться до того, чтобъ шипѣть во мракѣ, подобно змїѣ, вращающей жало свое изъ глубокой разсѣлины на мимоходящаго путника, но укрывающейся отъ взора его? Мнѣніе твое о Правительствахъ соглашай съ довѣренностію къ нимъ МОНАРХА; но не смѣй произносить самовольно судъ и подлыми разглашеніями умножать сообщниковъ умствованій твоихъ, которыя легко могутъ быть и вздорны и неосновательны.

Взирай на дерзскихъ порицателей, которые тебя соблазняютъ, какъ на преступниковъ, недостойныхъ сообщества. Отъ вредныхъ влїянїй хитросплетаемыхъ ими слуховъ всегда остерегай себя слѣдующими понятїями:

,,Благо общественное есть пространное зданїе. ГОСУДАРЬ Зодчїй; Правительства Зиждущїе. Мудрыми предначертанїями Перваго и благоразумною дѣятельностїю последнихъ Провидѣнїе изрѣкаетъ успѣхи великаго труда сего. Превыспренняя высота, на которой совершается сїе чудесное зданїе, должна обуздывать дерзскїе взоры! Притомъ способы устроенїя онаго зда-

нія такъ многообразны, такъ зависимы отъ обстоятельствъ безпрерывно новыхъ, и потому такъ всегда новы, что постороннему зрителю, даже содѣйствовавшему иногда въ семъ подвигѣ, не рѣдко бываютъ невнятны, а никогда неучаствовавшему всегда непостижимы! Тотъ, кто скажетъ: *я въ семъ случаѣ поступилъ бы лучше*, есть безстыдный лжецъ и невѣжда! Онъ не имѣетъ никакого способа оправдать своего слова: ибо *въ семъ случаѣ*, который уже не возвратно прошелъ, онъ никакъ и никогда дѣйствовать не можетъ! Должности по видимому обыкновенны, но, по содержанію ихъ въ обстоятельствамъ безпрестанно новымъ, всегда

новы. И потому никто не смѣетъ судить Зиждущихъ, указывая на предшедствовавшїе примѣры и случаи.

„Зиждущїе, яко дѣйствующїе всегда по предначертанїямъ Зодчаго, вопервыхъ ему отдаютъ отчетъ въ поступкахъ своихъ, а потомъ свѣту и потомству, но никогда современникамъ, и еще менѣе нѣкоторымъ только изъ нихъ. Свѣтъ и потомство стоятъ внѣ круга тѣхъ предметовъ, о которыхъ они судятъ; и потому удобно могутъ обозрѣвать вещи, которыя со всѣхъ сторонъ открыты взору ихъ. Напротивъ, современникъ и лице частное вращаются

сами съ колесомъ *настоящихъ* произшествїй; они не могутъ разумѣть, когда подъемлются на высоту и когда низпадаютъ въ бездну: по сему положенїю судъ ихъ непостояненъ, невѣренъ и безразсуденъ. Имъ остается только наслаждаться съ благодарностїю даруемымъ благомъ; въ обстоятельствахъ же нѣсколько мрачныхъ должно быть благодушными. Въ семъ состоитъ *клятва вѣрноподданнаго* и постоянность довѣренности къ Престолу!

„И потому благонамѣренные сыны Отечества всегда довольны и спокойны: не восхищаютъ непринадлежащаго имъ права судить Правительства, учрежденныя Вер-

ховной Властію. Они знаютЪ, что въ семЪ случаѣ судЪ народа всегда подобенЪ крику невѣжды, указывающаго на отвалившуюся отЪ угла известь; но можетЪ ли онЪ судить о прекрасной колоннадѣ *цѣлаго*? ВЪ дѣлѣ народномЪ есть безпристрастнѣйшій и законный истецЪ и судія Государь, коего око видитЪ поступки правителей, имЪ поставленныхЪ, вЪ естественномЪ ихЪ образѣ: ибо ему одному извѣстно, согласно или несогласно они дѣйствуютЪ сЪ цѣлію, отЪ него имЪ показанною."

Сіи понятія должны поставить каждаго вЪ своихЪ границахЪ; должны успокоить ропщу-

щихъ и предписать имъ молчанїе, оживотворивъ достойное благоговѣнїе къ тѣмъ, которые зиждутъ благо наше на священной вершинѣ, недосязаемой бренными взорами. Благородно и величественно должно мыслить о тѣхъ Мужахъ, которыхъ МОНАРХЪ оправдываетъ Своею довѣренностїю!

КОНЕЦЪ.